

Содержание

<i>Предисловие. Сибиряки!</i>	7
Введение	9
Глава 1. “Со школьной скамьи на бойню”	19
Глава 2. Среди революционеров	31
Глава 3. “Фанатичные отбросы потерянного столетия”	50
Глава 4. Шанхайский период	70
Глава 5. Маньчжурский инцидент	102
Глава 6. Вы не думали о Токио?	128
Глава 7. Формирование агентуры	142
Глава 8. В гостях у Оттов	163
Глава 9. Москва 1935 года	188
Глава 10. Ханакко и Клаузен	204
Глава 11. Кровавая баня в Москве	230
Глава 12. Люшков	251
Глава 13. Номонган	269
Глава 14. Пакт Молотова — Риббентропа	288

Глава 15. Атакуйте Сингапур!	307
Глава 16. Варшавский мясник	331
Глава 17. “Барбаросса” обретает форму	353
Глава 18. “Они нам не поверили”	371
Глава 19. План “Север” или план “Юг”?	388
Глава 20. Переломный момент	416
Глава 21. “Самый выдающийся человек из всех, кого я встречал”	446
<i>Благодарности</i>	467
<i>Примечания</i>	469
<i>Избранная библиография</i>	529
<i>Источники иллюстраций</i>	541
<i>Предметно-именной указатель</i>	545

Глава 1

“Со школьной скамьи на бойню”

Вас вырастили на имперских амбициях, выпустив в мир с чувством элитарного превосходства, — но с ледяным сердцем. У ребенка с ледяным сердцем, внешне остающегося здоровым очаровательным пареньком, в душе зияет огромная пустошь, томящаяся по посевам¹.

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

Рихард Зорге родился в 1895 году в Баку, самом богатом, самом коррумпированном и самом жестоком городе Российской империи. Веками здесь в болотистых низинах вдоль берега Каспийского моря нефть и газ фонтанами били из-под земли, внешне воспламеняясь и внушая страх и благоговение. Однако в стремительно развивающийся город эту зловонную заводь превратили два брата из Швеции, Людвиг и Роберт Нобели, когда в 1879 году на первой бакинской скважине заработали их буровые установки. К этому источнику изобилия в город со всей России потянулись рабочие, архитекторы и торговцы, а заодно — проститутки, революционеры и аферисты. Баку быстро превратился в город “распущенности, деспотизма и невоздержанности” для богатых². Для рабочего класса, вкалывавшего в нездоровых условиях нефтяных трущоб, он был сумеречной зоной, “дымной и мрачной”³. Даже губернатор Баку называл его “самым опасным местом в России”. В памяти молодого писателя Максима Горького “нефтяные промысла остались... гениально сделанной картиной мрачного ада”⁴.

Да, возможно, это был ад, но с оговоркой, что эта преисподняя извергала потоки денег. Высокое жалованье и при-

большинство акций в быстро процветающих нефтяных компаниях привлекли в дымный прикаспийский город толпы иностранных нефтяников. Одним из них был Вильгельм Рихард Зорге, буровой инженер из небольшого саксонского городка Веттина. Ему был 31 год, когда он приехал в Баку в 1882 году, до этого проработав несколько лет на нефтяных месторождениях Пенсильвании. Зорге устроился в филиал предприятия Нобелей — Кавказскую нефтяную компанию⁵. Удачу пытал здесь и купец Семен Коболев, перебравшийся из Киева в Баку, чтобы использовать открывавшиеся здесь возможности. В Баку родилась его дочь Нина⁶. В 1885 году, когда ей было 18 лет, она познакомилась с Вильгельмом Зорге и вышла за него замуж⁷. Их союз нефти и торговли сложился в антураже настоящей капиталистической преисподней.

Закоулки Баку, где жили рабочие компаний Нобелей и Ротшильдов, были “завалены гниющими отбросами, трупами собак, тухлым мясом, фекалиями”⁸. Город буквально задыхался в собственных сточных водах. Нефть “сочилась отовсюду”, вспоминала Анна Аллилуева, жившая здесь десять лет спустя со своим зятем-революционером Иосифом Сталиным, а “деревья не выживали в отравленном воздухе”⁹. Однако, как зажиточные иностранцы, живущие здесь не в первом поколении, семья Зорге не соприкасалась с грязью, насилием и разгорающимися революционными страстями города. Они занимали красивый двухэтажный кирпичный дом в процветающем предместье Сабунчи к северо-западу от Баку. А в городе, “точь-в-точь как где-нибудь на американском Диком Западе, было полным-полно бандитов и грабителей”¹⁰, как вспоминал писатель Лев Нуимбаум (Эссад-Бей). Зато Сабунчи был тихой гаванью буржуазной респектабельности, где вдоль просторных улиц росли акации и вскоре появится первая трамвайная линия. Дом Зорге до сих пор стоит на том же месте. Теперь это ветхие трущобы, приютившие десять семей беженцев. Вокруг — неказистые сараи, где хранятся детали от мотоциклов и без умолку кудахчут куры.

На групповом снимке 1896 года семейство Зорге запечатлено как идеальная немецкая буржуазная семья. Бородатый отец семейства Вильгельм Зорге, одетый во фрак, по-хозяйски опирается на перила. На ведущих в сад ступеньках, устланных по особому случаю коврами, расположились пятеро оставшихся в живых детей (еще пятеро умерли во младенчестве)¹¹, все в темных костюмах в тон. Восьмимесячный Рихард сидит на деревянной подставке для кашпо, сзади его поддерживает мать, вокруг теснится одетая в простые платья прислуга.

В своих автобиографических признаниях, написанных в японской тюрьме в 1942 году, Зорге ни слова не пишет о своей матери, упомянув лишь о ее русском происхождении. Судя по всему, Нина Зорге разговаривала с сыновьями не по-русски, а по-немецки, из-за чего юный Рихард жил в двойном отчуждении: он рос вдали и от бурлящей восточной жизни говорившего на тюркском языке Баку, и от русскоязычной колониальной элиты города. Родной язык матери Зорге пришлось потом учить с нуля после переезда в Москву¹².

Вильгельм Зорге, безусловно, был “националистом и империалистом и всю жизнь не мог избавиться от впечатлений, полученных в молодости при создании Германской империи во время войны 1870–1871 годов”, — писал Зорге в своих тюремных записках. “Он всегда сохранял в памяти потерянные за рубежом капитал и социальное положение”¹³.

Однако, несмотря на непреклонный прусский патриотизм Вильгельма, семье Зорге, похоже, был присущ и бунтарский дух. В 1848 году прадед Рихарда по отцовской линии Фридрих Адольф Зорге примкнул к вооруженному восстанию против саксонских властей, а после неудавшейся революции в 1852 году эмигрировал в Америку¹⁴. Страстно увлекшись коммунизмом, он занял должность генерального секретаря Международной ассоциации рабочих, более известной как Первый интернационал, когда ее штаб-квартиру перенесли в Нью-Йорк в 1870-е годы. Он также поддерживал обширную переписку с эмигрировавшими в Лондон соотече-

ственников из Германии — Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом¹⁵.

Для выросших в Баку детей Зорге “домом” была Германия, которой они ни разу не видели. Возможно, именно воспитание в изоляции, вдали от родины, стало причиной того, что Зорге потом всю жизнь чувствовал себя непохожим на других. Вильгельм Зорге переехал с семьей в Берлин, когда Рихарду было пять лет. Связи с Россией не оборвались: Зорге-старший работал в немецком банке, занимавшемся импортом каспийских нефтепродуктов из Баку. Но на своей новой родине Рихард никогда не ощущал себя как дома. “От сверстников меня отличало острое осознание, что я родился на Южном Кавказе, — писал он в своей тюремной исповеди. — Наша семья также отличалась во многих отношениях от обычных берлинских буржуазных семей”. Из-за иностранного происхождения матери и особенностей их эмигрантского прошлого “все мои братья и сестры несколько отличались от обычных школьников”¹⁶.

Зорге поселились в богатом предместье Берлина, Лихтерфельде, “в относительном покое, свойственном зажиточной буржуазии”¹⁷. По его собственному признанию, в школе он был “плохим учеником, недисциплинированным, упрямым, капризным, болтливым ребенком”¹⁸. Он рассказал японским следователям, что “по успехам в истории, литературе, философии, политологии, не говоря уже о физкультуре, я был в верхней половине класса, но по другим предметам ниже среднего уровня”. Он мечтал, по его словам, стать спортсменом-олимпийцем по прыжкам в высоту. К пятнадцати годам юный Зорге страстно увлекся Гёте, Шиллером, Данте, Кантом “и другими трудными авторами”. В дальнейшем Зорге часто будет называть себя “школяром-цыганом” и “бароном-разбойником” в честь героев немецкой романтической поэзии. Особенно Зорге любил “Разбойников” Шиллера — историю героя, похожего на Робин Гуда, — грабившего богатых и защищавшего бедных¹⁹.

Вильгельм Зорге умер в 1911 году, оставив всем детям приличное содержание. В доме Зорге “не было материальных затруднений”²⁰. “Текущие проблемы Германии я знал лучше, чем обычные взрослые люди, — объяснял он своим тюремщикам. — В школе меня даже прозвали премьер-министром”. О высоком самомнении Зорге можно судить хотя бы по тому, что даже в зрелом возрасте он, по-видимому, не замечал в своем школьном прозвище никакой иронии. Его школьные преподаватели считали его одаренным учеником, но лентяем и позером²¹. Он вступил в ряды романтического патриотического молодежного движения *Wandervogel* (“Перелетная птица”), устраивавшего походы и поездки для юных идеалистов Германской империи; правда, впоследствии Зорге называл эту организацию “спортивным объединением рабочих”. В августе 1914 года, когда члены *Wandervogel* были в походе в Швеции, стало известно о вступлении Германии в войну.

Вняв призыву своей страны, мальчики с первым же парходом поспешили домой. 11 августа, не спросив разрешения матери, не сообщив в школу и не сдавая выпускных экзаменов, Зорге явился в призывной пункт в Берлине и записался рядовым в армию. “Если говорить о причине, побудившей меня решиться на такое бегство, то это горячее стремление приобрести новый опыт и освободиться от школьных занятий, от того, что я считал совершенно бесцельным и бессмысленным в жизни 18-летнего юноши”, — писал он, добавляя, наверное, уже более откровенно, что его заразило “всеобщее возбуждение, вызванное войной”²². Должно быть, определенным стимулом послужил для Зорге и непреклонный патриотизм покойного отца.

Зорге был направлен в учебный батальон третьего гвардейского полка²³ и прошел, по его словам, “неполную шестинедельную подготовку на учебном плацу под Берлином”. К концу сентября его вместе с другими новобранцами отправили в Бельгию на реку Изер, где они столкнулись с бри-

танскими и бельгийскими регулярными войсками, прочно занимавшими подготовленные позиции. В порыве наивного энтузиазма учебный батальон Зорге впервые пошел в атаку 11 ноября в Диксмюде и был разгромлен. В первый же день боевых действий все романтические иллюзии, которые питал Зорге насчет войны, были уничтожены вместе с большинством его товарищей. «Можно сказать, что это был период перехода «из школьной аудитории на поле сражений», «со школьной скамьи на бойню»»²⁴, — с явной горечью вспоминал впоследствии Зорге.

Выжившие представители того разозленного и разочарованного поколения 1914 года называли кровопролитие на Западном фронте *Kindermord* — избиением младенцев. Этот опыт «впервые возбудил в сердцах — моем и моих товарищей-фронтовиков — первую и потому особо глубокую психологическую неуверенность. Наше горячее желание драться и искать приключений было быстро удовлетворено. Потом наступило несколько месяцев молчаливых раздумий и опустошения»²⁵.

Как и у многих представителей его класса и поколения, военный опыт Зорге оказался глубоко поучительным и шокирующим. У Зорге, умного молодого бунтаря, теперь были причины восстать против бессмысленности войны: «Я предавался всевозможным размышлениям, вытягивая из головы все свои исторические познания. Я думал: как бессмысленны эти бесконечно повторяющиеся войны. Я старался осознать мотивы, которые лежали в основе новой агрессивной войны. Кто стремится захватить подобную добычу, невзирая на любые человеческие жертвы?»²⁶

Впервые за свою юную жизнь студент реального училища и сын банкира Зорге оказался бок о бок с настоящим пролетариатом. Он был поражен, что его «простые друзья-солдаты», казалось, совершенно не заинтересованы в выяснении глубинных причин войны, где они стали пушечным мясом. «Никто даже и не знал, для чего все эти наши усилия. Никто

не знал истинных целей войны, и тем более никто не разбирался в вытекающем отсюда ее глубинном смысле. Большинство солдат были людьми среднего возраста, рабочими и ремесленниками. Почти все из них были членами профсоюзов, а большое число — сторонниками социал-демократии”. Он столкнулся лишь с одним “действительно левым” — “пожилым каменщиком из Гамбурга”, который “тщательно скрывал свои политические взгляды, не раскрываясь ни перед кем”²⁷. Они близко сошлись. Возможно, Зорге увидел в нем отцовскую фигуру. Пожилой каменщик рассказал юному протеже о своей жизни в Гамбурге, о пережитом преследовании и безработице. Выросший в атмосфере беспрекословного патриотизма Зорге впервые в своей жизни столкнулся с пацифистом. Их дружба резко оборвалась после гибели старого социалиста в бою в начале 1915 года.

Несколько месяцев спустя Зорге тоже пал жертвой вражеского снаряда. В июне 1915 года его отряд перебросили в Галицию, на границу России и Австро-Венгерской империи. Впервые он участвовал в боях, где родина отца схватилась с родиной матери. В июле Зорге был ранен в правую ногу осколком русского снаряда. Лечиться его отправили в берлинский военный госпиталь, располагавшийся в районе Ланквиц. На снимке того периода Зорге стоит под руку с молодым человеком в очках, своим соратником и другом Эрихом Корренсом (впоследствии он станет известным химиком и политиком в Восточной Германии). Держа в правой руке сигару, Зорге повернулся к своему улыбающемуся товарищу. Несмотря на ленту Железного креста на кителе Корренса, они с Зорге похожи на юных школьников, которыми и были совсем недавно²⁸.

Зорге использовал период реабилитации в госпитале, чтобы наконец получить аттестат реального училища. С отличием сдав экзамены, он поступил на медицинский факультет Берлинского университета и стал посещать лекции. Однако та Германия, куда он вернулся, слишком уж отличалась

от той, откуда он уходил на фронт: “...Если были деньги, на черном рынке можно было купить все что угодно. Бедняки возмущались. Того воодушевления и духа самопожертвования, которые были в начале войны, больше не существовало. Начались обычные для военного времени спекуляции и подпольные сделки, а угар милитаризма постепенно стал улетучиваться. Напротив, полностью раскрылись чисто империалистические цели — прекращение войны в Европе путем достижения корыстных целей войны и установления германского господства”²⁹.

Зорге “было не очень-то весело после возвращения в Германию”, он не знал, что делать³⁰. Испытывая отвращение к разлагающейся гражданской жизни, он решил вернуться в единственный взрослый мир, который знал, — к товарищам по оружию. Он вызвался вернуться на фронт еще до окончательного выздоровления. В результате наступательных операций Германии в Восточной Пруссии в районе Горлице-Тарнов и Мазурских озер в 1915 году русская армия оказалась отброшена за сотни километров от довоенной границы. Однако, вернувшись в свой полк, Зорге выяснил, что большинство его старых друзей заплатили за этот прорыв своей жизнью. Те, кто уцелел, были истощены войной. “Как только появлялись свободные минуты, все мечтали о мире. Однако, несмотря на то что мы проникли далеко в глубь России, конца войны не было видно, и люди стали беспокоиться, что война будет продолжаться бесконечно”³¹.

После второго ранения в начале 1916 года Зорге увидел, что Берлин все глубже погружается в пучину “реакции и империализма”. Он “был убежден, что Германия не может предложить миру... новых идей”. Однако проснувшееся революционное сознание не помешало 21-летнему Зорге тем не менее вновь добровольно вернуться в свой полк на Восточном фронте. “Я считал, что лучше сражаться в других странах, чем еще глубже погружаться в болото в своей стране”³².

Сражаясь на территории Российской империи, Зорге впервые столкнулся с настоящими коммунистами, двумя солдатами, связанными с радикальными политическими группировками в Германии и часто рассказывавшими о руководителях германских леворадикалов — Розе Люксембург и Карле Либкнехте. Социализм, рассказали они Зорге, предлагал способ “устранить причины бессмысленных саморазрушительных и бесконечных войн. Более важным мы считали глобальное решение проблемы, решение в международном масштабе на длительный срок”³³.

Спустя три недели после своего возвращения на фронт у города Барановичи к юго-западу от Минска в марте 1916 года Зорге был ранен в третий раз. На этот раз его ранение едва не стало смертельным. Осколки попали в обе ноги, три пальца пришлось частично ампутировать. В результате этих ранений Зорге до конца жизни заметно хромал. После мучительной дороги по оккупированной России он оказался в университетской больнице Кенигсберга, исторической столицы Восточной Пруссии, откуда совсем недавно были выбиты русские войска. Зорге было присвоено звание ефрейтора, он получил Железный крест второго класса и был освобожден от службы в армии по состоянию здоровья. Тогда же он узнал, что в боях погибли два его брата³⁴.

Русский снаряд, раздробивший ноги Зорге и положивший конец его военной карьере, лишил его и последних иллюзий. “Меня охватило сильнейшее смятение”, — писал он. В нем росло стойкое отвращение к “утверждениям об идеях и духе, которыми якобы руководствуются ведущие войну народы”, и “понимание... что радикальные политические перемены — единственный способ выбраться из этой трясины”³⁵.

Как и многие его современники, Зорге внезапно словно родился заново. Он замкнулся в своем внутреннем мире, далеко от его семьи и их статуса, усомнившись в самих основах общества, в котором воспитывался³⁶. Аналогичные тер-

зания переживал и другой немецкий ефрейтор, лечившийся от ранений в военном госпитале Белиц-Хайльштеттен недалеко от Берлина, — Адольф Гитлер. Гнев и отвращение, подтолкнувшие поколение молодых ветеранов войны к радикальной политике правого и левого толка, проистекали из одного источника.

Будучи прикован к больничной койке с ногой на вытяжке, Зорге взялся за чтение, стремясь докопаться до истины. “Очень образованная и умная медсестра” в кенигсбергском госпитале принесла ему книги, заложившие основы его увлечения социализмом, — “Капитал” Карла Маркса, “Анти-Дюринг” Фридриха Энгельса, трактат Рудольфа Гильфердинга 1910 года “Финансовый капитал”. Отец этой медсестры, врач, стал первым, кто подробно рассказал Зорге “о революционном движении в Германии, различных партиях и течениях, международном революционном движении. Тут впервые также я услышал о Ленине и его деятельности в Швейцарии... У меня уже появилось желание стать апостолом революционного рабочего движения”³⁷. Зорге запоем читал Канта и Шопенгауэра, древнегреческих философов и Гегеля, “открывшего путь к марксизму”. Невзирая на серьезные ранения и мучительную боль при лечении, он “был счастлив как никогда в последние годы”³⁸.

Несколько недель Зорге заново учился ходить и в конце лета 1916 года смог вернуться к матери в Берлин. В октябре он поступил на экономический факультет Берлинского университета. Пока он учился, военная политика и экономика Германии дали трещину. “Хваленая экономическая машина Германии лежала в руинах. Я чувствовал это на личном опыте, ощущая вместе с многочисленными пролетариями голод и растущий дефицит продуктов питания. Капитализм распался на свои составные элементы — анархизм и спекулянтов. Я видел крах Германской империи, которая, как считали, имеет прочный и незыблемый политический фундамент. Господствующий класс Германии, столкнувшись с таким положе-

нием, безнадежно растерялся и раскололся как морально, так и политически. В культурном и идеологическом плане нация ударились в пустую болтовню о прошлом, в антисемитизм или романо-католицизм”³⁹.

Сообщения о большевистском перевороте в России в ноябре 1917 года только укрепили социалистические убеждения Зорге. “Я решил не только поддерживать движение теоретически и идеологически, но и самому стать на практике его частью”⁴⁰. В конце жизни, оказавшись в японской тюрьме по обвинению в шпионаже в интересах коммунистов, Зорге настаивал, что “принятое... 25 лет назад решение было верным... единственная свежая и эффективная идеология поддерживалась и отстаивалась революционным рабочим движением. Эта труднейшая, решительная и благородная идеология стремилась устранить экономические и политические причины нынешней и будущих войн средствами внутренней революции”⁴¹.

Британский журналист Мюррей Сейл отметил поразительное сходство между Зорге и другим знаменитым советским шпионом, Кимом Филби, у которого он брал интервью в Москве в 1967 году. Филби и Зорге были “психическими близнецами, — писал Сейл, — двумя классическими образцами редкого вида *Homo undercoveris***, из числа тех, кто считает, что в скучной, незасекреченной жизни большинства из нас нет никакого смысла. Параллели между двумя этими людьми поразительны. Оба родились в семьях путешественников, вдали от условного дома... Оба получили достойное образование, превратившее их, по крайней мере внешне, в показательных представителей высшего класса... Оба, будучи впечатлительными студентами, стали коммунистами, причем оба — в тот период, когда коммунизм был крайне моден среди юных интеллектуалов. И в обоих случаях ключевым фактором стала война”⁴².

* * Хомо подприкрытиус (лат. ирон.).

Зорге был официально комиссован из армии в январе 1918 года и незамедлительно отправился в Киль, штаб-квартиру Германского военного флота и известную колыбель социализма. Сознательно или по стечению обстоятельств, он оказался в самом эпицентре закипавшей в Германии революции.